

схватилъ господска сына, повалилъ въ тотъ уголъ и всево обмазалъ навозомъ этимъ. Когда онъ сталъ подходить къ кроватѣ, царевна даже близко не подпустила, такъ какъ отъ него очень воняло, а уснула, обнявшись съ дуракомъ.

13. На другой день царь утромъ рано приходитъ въ ту комнату, смотритъ: дочь его спитъ съ дуракомъ, а господской сынъ весь замазаной сидитъ въ углу. Прогналъ онъ господска сына, назвалъ дуракомъ, а дочь свою овѣнчалъ съ Иванушкой. И стали жить да быть — и тепѣре живутъ.

13. „Про орла“.

1. Сѣяли мышь да воробей овёсъ. Овёсъ выросъ. Воробей и говоритъ: „Ну, надо овёсъ жать“.—А мышь и говоритъ: „У меня и подъ снѣгомъ не уйдётъ, я и подъ снѣгомъ достану.“

Воробей сталъ звать птицъ на *разсѣдъ*. Прилетѣли всѣ птицы, наконецъ прилетѣлъ и орёлъ.

Мышь сдѣлала нору; улѣзётъ въ нору, нѣчево съ ней и дѣлать. Птица орёлъ сталъ караулить мышь: сидитъ день, другой и третей. Приходитъ ночь, орёлъ уснулъ. Мышь выскочила и объѣла у него крылья. Орёлъ пробудился — летѣть было не на чёмъ. Ходитъ и думаетъ: „Неужели придѣтца помереть съ голоду?“

2. Шолъ той дорогой Митя Волочашшой. Орёлъ и говоритъ ему: „Митя Волочашшой, прокорми меня три года, — я тебѣ сослужу службу!“—Митя Волочашшой взялъ птицу орла къ себѣ и сталъ кормить. Первой годъ кормилъ, кулакомъ колотилъ; другой годъ кормилъ, ногамъ пиналъ, а третей годъ кормилъ, *бадогомъ* колотилъ.

Черезъ три года у птицы орла выросли крылья. Тогда она ему и говоритъ: „Ну, Митя Волочашшой, пойдѣмъ ко мнѣ въ гости!“ — „А какъ же я за тобой пойду? Вѣдь ты полетишь, а я летѣть не могу“. — „Садись на меня, и я тебя доведу!“

3. Митя Волочашшой сѣлъ на птицу орла, и она полетѣла. Долетѣла до моря и стала подниматца кверху.

До тово высокó поднялась, што Митѣ Волочашшому показалось морѣ только съ рѣшетó. Тогда она ево сбросила съ себя. Митя Волочашшой немного не довайлѣся до моря—птица орѣль его подхватила.

Это повторялось три рѣза. Тогда Митя Волочашшой и спрашивать: „Почему ты, птица орѣль, надо мной *таргашеша?*“ — „А потому, што ты меня три года кормилъ — и каждой годъ билъ; за ето за самое я тебѣ и дала три *стрѣсти*. А болѣ я ето дѣлать не буду!“

4. Летѣли да летѣли и долетѣли: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, повѣртывацца.—„Избушка, избушка, къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“

Зашолъ Митя Волочашшой въ избушку, сидитъ Егѣбоба во стѹлѣ, предѣтъ шóлковой *кѹжель* на золотое веретѣнцо.—„Фу-фу, руськова духу видомъ не видала и слыхомъ не слыхала, а руськой духъ самъ на дворъ пришолъ!... Дóброй мóлодецъ, вóлей ходишь, али неволѣй?“ — „А матушка-судароня, напои-накорми, *тожнолѣ* спроси!“—Она напоила-накормила и говоритъ: „Вóлей ли ходишь?“ — „А сколь вóлей, вдвое своей охóтой“. — „Гдѣ про птицу орла не слыхалъ ли?“—„А што есь въ подпольѣ за дверьми,—говоритъ:—отдай, такъ скажу!“—„О!—говоритъ:—вѣкъ не видать, да тово не отдать!“

Митя Волочашшой вышолъ на волю, сказалъ птицѣ-орлу. Птица-орѣль махнулъ крыломъ, у ей и домъ *пѣхнулъ*. (А это была сестра орлу). И полетѣли далѣе.

Съ другой избушкой то жо случилось. — Наконецъ, долетаютъ до третей избушки. Птица-орѣль и говоритъ: — „Поди, Митя Волочашшой! здѣсь живѣтъ моя мать“.—Митя Волочашшой приходитъ въ избушку; сидитъ Егѣбоба на стѹлѣ, предѣтъ шолковой *кѹжель* на золотое веретѣнцо. — „Дóброй молодець, вóлей ли ходишь или неволѣй?“ — „А матушка-судароня, напои-накорми, *тожнолѣ* спроси!“ — Она напоила-накормила и говоритъ: „Вóлей ли ходишь?“ — „А сколь вóлей, вдвое своей охóтой“. — „А гдѣ про птицу-орла не слыхалъ ли?“—„А што есь въ подпольѣ за дверьми,—говоритъ:—отдай, такъ скажу!“—„Отдамъ, дамъ,—говоритъ: — да и придамъ-дамъ“. — „А поди стрѣчай! она, — говоритъ:—у дверей стоитъ“.—Мать обрадовалась дóчери и привела её въ *ѣзбу*.

5. Птица-орёлъ сходила въ другую комнату, перенарладилась и очутилась прекрасной Егѣбисной. Вотъ Митя Волочашшой* и сталъ тутъ жить. Перъвой годъ жилъ—въ одно полѣ ходилъ; другой годъ сталъ жить, сталъ въ другоѣ полѣ ходить; а третій годъ сталъ жить, въ третьѣ полѣ не велятъ ходить.

Подумалъ Митя Волочашшой: „почему жо не велятъ? дай-ка схожу!“—Пошолъ въ третьѣ полѣ. Вышолъ на дорожку и пошолъ вдоль берега. Пришолъ къ морю и видитъ: на морѣ лежитъ камень, на камнѣ сидитъ птица объ одной ногѣ и объ одномъ крылѣ. Сидитъ и причитаетъ: „Кабы мнѣ крылышко, кабы мнѣ ноженька,—улетѣла бы я на свою сторонушку!“—Тутъ Митя Волочашшой и здумалъ про свою сторонушку.

Приходитъ къ птицѣ-орлу и говоритъ: „ну, птица-орёлъ, што *сулыла*, отдай! я пойду домой“.—„Ты разѣ ходилъ въ третьѣ полѣ?“—„Ходилъ“.—„Што жъ ты видѣлъ?“—„Да вотъ птицу объ одной ногѣ и объ одномъ крылѣ“.

6. Птица-орёлъ вынесла изъ подполья изъ-за дверей Митѣ Волочашшему *начовочки*, дубинку и два клубочка и наказала: „Пока ты не прѣдѣшь домой, эту дубинку не отпирай!“

Митя Волочашшой сѣлъ на *начовочки*, одинъ клубокъ катнѣтъ, а на другой навиваетъ, и полетѣли начовки эти, такъ што на лошади не уѣдѣшь.

7. Летѣлъ да летѣлъ и думаетъ: „што тутъ въ дубинкѣ? дай-ко поглежѣ!“—Отперъ дубинку,—выскочило двѣнадцать мериновъ, да къ йдолу Поганому во дворъ.

Сплакалъ тутъ Митя Волочашшой и говоритъ: „Куда мнѣ надо, *начовки*, катитесь! Куда мнѣ надо, клубочки, бѣжите!“—И начовки полетѣли прямо къ Йдолу Поганому.

8. Прилетѣлъ къ Йдолу Поганому, слѣзъ на уголъ и смотритъ: у Йдола Поганова три дочери въ головѣ ишшутъ: одна *трепаломъ* волосы розымаетъ, а другая счипчамъ вшей *имаетъ*, а третья молоткомъ бьетъ. Митя Волочашшой заредилъ въ лукъ стрѣлу и хлопъ ему въ голову.—„Охъ, дѣвки-б... и, шипко!“ — „Батюшко, я *трепаломъ* ткнула не съ догадки“.—Тотъ въ другой разъ.—„Батюшко, я,—говоритъ:—счипчамъ прихватила“.—Потомъ онъ въ третій разъ.—„Батюшко, я молоткомъ пришибла не съ догадки“.

Какъ Идолъ Поганой головой-то змахалъ, сшибъ Митю Волочашшова волосамъ съ углу. Тогда Митя Волочашшой закричалъ: „Идолъ Поганой, отдай моихъ коней!“—„А куда ты привезёшь отъ иностраннова царя дочку за меня замужъ, тогда я тебѣ отдамъ и коней!“

9. Митя Волочашшой подѣхалъ къ морю на своихъ *начовкахъ*. У берега стоялъ корабль. Онъ сѣлъ на корабль и поѣхалъ. Ёдетъ, а изо сторонѣ кричитъ ему человекъ: „Куда поѣхалъ?“—„Къ царю сватомъ за Идола Поганова!“—„Возьми меня въ товарищи!“—„А ты кто такой?“—„А я гораздъ пиво пить!“

Немного попоѣхалъ,—другой человекъ кричитъ: „Возьми меня въ товарищи!“—„А ты кто такой?“—„Я гораздъ въ банѣ паритца“.

Потомъ третей человекъ проситца: „Возьми меня съ собой!“—„А ты кто такой?“—„Я гораздъ изъ травъ траву выбирать, да кому надо подавать“.

10. Черезъ нѣсколько дней прѣехали они въ то государство. Митя Волочашшой сталъ сватать у царя дочь взамужъ за Идола Поганова. Тогда царь сказалъ: „У меня есь сорокъ бочекъ пива; выпей одинъ, тогда я отдамъ и дочку!“—Митя Волочашшой послалъ своего товарища; привели его въ погребъ къ царю; тотъ ототкнёть бочку, подставить ротъ,—бочка не успѣваетъ бѣжать, какъ онъ пьётъ.

Потомъ царь и говоритъ, когда у него выпили пиво: „А у меня вотъ есь баня, дакъ кто выпаритца въ банѣ, тому я отдамъ и дочку замужъ“.—Баня была вся чугунная. Её раскалили до-красна, што вся накалилась, даже стѣны. Митя Волочашшой посылаетъ своего товарища; тотъ прибѣгаетъ, заскочилъ въ баню; какъ п... уль, такъ во всѣхъ углахъ иней сталъ, всё простыло.

11. Тогда царь отдалъ дочку. Митя Волочашшой взялъ царевну и поѣхалъ обратно къ Идолу Поганому. Идолъ Поганой стрѣтилъ, взялъ царевну и увёлъ во свои покои.

Царевна и говоритъ ему: „што жо ты, Идолъ Поганой? Какъ мы съ тобой будемъ жить невѣнчаны? У насъ хотя и не вѣнчаютъ, но дѣлаютъ такъ: выкопаютъ яму—три аршина глубокую и три широкую, навалѣтъ полную дровъ и зажгутъ. Когда дрова прогорѣтъ, положатъ черезъ яму

рѣшотку и по ней проходятъ нѣсколько разъ вмѣсто вѣнчанія“.

Идолъ Поганой исполнилъ приказаніе царевны. Когда было всё готово, онѣ направились итти черезъ яму. Женихъ должонъ былъ проходить впередъ. Когда Идолъ Поганой ступилъ только на рѣшотку, царевна поддернула её, и онъ упалъ въ горячіе углья—тутъ и згорѣлъ.

Царевна и вышла взамужъ за Митю Волочашшова. Я тамъ былъ, на свальбѣ-то; меня кормили обѣдомъ. А рыба-та у нихъ была шшука, я по блюду-ту сшупалъ, ногти-тѣ задралъ, ничево и не набралъ—такъ голодной и ушолъ.

14. „Про коровку-бурѣнку“. [Буренушка].

1. Жилъ старикъ со старухой. У него была одна дочь. Старуха померла, а старикъ женился,—взялъ Егѣ-бобу съ трѣмъ дочерямъ. Немного пожила Егѣбоба и стала она посылать неродную дочь корофъ пасты.

Первой день Егѣбоба посылаетъ дочь свою: „Унеси сукъ-то, плѣхъ-то пообѣдать-ту!“ [говорится басомъ].—Дала дочерѣ *поскрѣбшиъ*, которой лошадь копытомъ не можетъ раздавить. Та принесла и подала неродной сестрѣ. Она взяла въ руки, подержала и отдаётъ назадъ: „На-ко, сестрица! я не хочу ѣсти. Дай лучше я у тебя поишшѣ въ головкѣ“.—Стала искать, сказала: „Спи глазъ, спи два!“—Переговорила два раза, и Егѣбисна уснула.

2. Потомъ старикова дочка стала звать къ себѣ коровку-бурѣнку: „Тпруко коровушка, тпруко бурѣнушка!“—Коровушка пришла. Она въ одно ушко слѣзала—напилась наѣлась, а въ другое—наредилась. И такой красавицей очутилась, што ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Потомъ шатѣрь задернула; гуляла, гуляла до той поры, пока стала скотина домой собирацца.

Она опять позвала: „Тпруко, коровушка, тпруко, бурѣнушка!“—Коровушка пришла, она въ одно ушко слѣзала—напилась-наѣлась; въ другое—рознаредилась. Пришла къ сестрѣ и будить: „Ставай, сестрица! время домой итти: